

Ворон лишь ненадолго замолчал, а затем продолжил как ни в чем не бывало:

- Та руководительница не является одаренной, и, учитывая ее осторожность, она вряд ли рискнет войти сюда для разведки... Ну, и вряд ли будет использовать артефакты одаренных.

Он на самом деле подозревал, что с интеллектом вампира Ян, она уже догадалась, что Габриэль может использовать артефакты одаренных.

- В конце концов, артефакты вампиров настолько ценны, да еще и расходуются, их в Управлении безопасности совсем немного. - Хотя все это видели, Ворон не собирался обсуждать проблему Габриэля и потому легко перевел тему. - В любом случае, мы, «ягоды», не представляем такой угрозы, как мятежные тайные кланы. Так что, если она заподозрит, что мы живы, то подготовит что-то более мощное, чем те артефакты снаружи.

Эти слова заставили всех побледнеть.

Прошло некоторое время, прежде чем Листер нашел в себе силы говорить:

- Более мощное, чем те артефакты снаружи?

Он огляделся в поисках веревки, чтобы повеситься на ближайшей балке.

Ворон, закончив свои пугающие рассуждения, почувствовал, что ему не хватает воздуха, и сразу перешел к выводу:

- Так что я думаю, пока проблем нет.

- Печальный брат пессимистично спросил:

- А как вы думаете, когда проблемы станут большими?

Извержение вулкана, падение метеорита... засыпать весь район?

- Это же «запрещенные артефакты», - Ворон небрежно передал «запрещенный артефакт» - Часы Истины, Быстрому Дракону. - Их называют «запрещенными», потому что вампиры считают, что они обладают загрязняющим эффектом. Чем мощнее артефакт, тем сильнее его загрязнение, а это ведь их центр города. Вы разве не слышали, как вампиры-полицейские на улицах сплетничали? Скоро сюда прибудет «важная персона», чтобы взять ситуацию под контроль, и они не позволят им творить беспорядок.

- Печальный: ...

- Еда и вода здесь есть, мы сами принесли немало, комнат достаточно, можем прожить здесь неделю-другую. - Ворон небрежно махнул рукой, взял бутылку пива из воды, которую принесла Жасмин, встряхнул ее и открыл с громким «хлопком». - В конце концов, у нас есть «маг», да еще и атакующего типа.

- Печальный чуть не получил пивной пены в лицо и хотел было сказать: «Ты? Может, сначала посмотришь на себя, весь в крови?», но потом понял: подожди, что?

Ворон явно не был атакующего типа.

Только сейчас он сообразил и, следуя направлению, куда Ворон поднял бутылку, обернулся к Хони, вспомнив недавний пожар, и медленно открыл рот:

- Капитан?

Хони посмотрела на него, слегка приподняла бровь, и на ее лице появилось выражение, близкое к «расслабленному и радостному».

«Гнев», который может выглядеть «расслабленным и радостным», либо совсем новичок, либо...

- Просто ощущение, - спокойно сказала Хони. - Конкретный уровень будет определен после возвращения, посмотрим, что скажет Святилище. Сначала нужно выжить...

Ее слова прервал крик одного из молодых членов команды.

Хони: ...

Невыносимо.

Листер в растерянности:

- Третий уровень... Разве третий уровень не делает тебя старейшиной? Капитан не бросит нас?

«Гневный» парень, который недавно пнул его, быстро натянул капюшон на голову Листера и завязал ему рот.

Жасмин тоже широко раскрыла глаза, встала на цыпочки и, покачивая руку Ворона, спросила:

- Третий уровень? Правда? Насколько она сильна?

- Откуда я знаю? - Ворон дернул ее за косу. - Спроси у нее.

Молодежь, восхищающаяся силой, сразу забыла, что она «чужая», и с энтузиазмом присоединилась к обсуждению.

Ворон двумя фразами переключил внимание и с улыбкой наблюдал, как капитан Хони оказалась окружена визжащей молодежью. Пока никто не видел, он, опираясь на стену, медленно прошел за книжные полки, поднял книгу, валявшуюся на полу, и нашел небольшую комнату, где можно было прилечь.

У двери он на мгновение остановился, словно чувствуя, что за ним наблюдают, но не обернулся, а лишь лениво помахал книгой и потянулся.

Капитан Хони, будучи опытной, поняла, что Ворон приукрашивает ситуацию - в Синьяо скоро появится новый начальник, «запрещенные артефакты» загрязняют, разве вампиры не знают об этом? У них наверняка уже есть план.

Просто она только что преодолела серьезное препятствие и чувствовала себя прекрасно, как будто вырвалась из узкого ручья и увидела бурную реку... В общем, она немного возгордилась и согласилась с тем, что нужно немного отдохнуть и расслабиться, она справится.

Но...

Она задумчиво посмотрела на закрытую дверь.

«Зажигание» не было новой концепцией. Много лет назад, когда Хони только начинала учиться быть «Семенем», она мельком видела описание этого в древних текстах. Там

говорилось, что «Семена выше третьего уровня иногда могут резонировать с окружающими, создавая неожиданные эффекты усиления».

Это как сказать, что «меч, если его достаточно быстро двигать, может высечь искру», но основная функция меча – рубить, а не поджигать.

На уровне Хони она могла общаться со старейшинами Святылища, но никогда не слышала, чтобы кто-то делал что-то подобное. В конце концов, обычно, если у тебя есть время думать о том, что думают окружающие, ты уже успеешь создать десять огненных шаров.

Молодой Ворон, похоже, шел по пути, отличному от традиционного пути Святылища. Это из-за его особой физиологии? Или... за «тайной» линией действительно есть другой путь?

Она непроизвольно сжала пальцы, вспоминая тот мощный пожар, который даже ее саму удивил. Это был уровень опытного «третьего уровня», но затраты энергии были как на создание маленькой искры.

А что, если это более высокий уровень, четвертый или даже легендарный пятый? Можно ли свободно вызывать чужие эмоции, заставляя каждого... нет, каждое живое существо становиться своим топливом?

Фух...

Хони сразу же отогнала эту страшную мысль.

Наверное, нет.

Даже если «тайные» всегда критиковались «священными» за распущенность, они еще не дошли до такой степени извращенности.

В этот момент белая фигура, как призрак, забрала Часы Истины у Быстрого Дракона и последовала за Вороном в комнату. Закрывая дверь, он, казалось, тоже почувствовал ее взгляд и обернулся. Его янтарные глаза, словно лишенные жизни, холодно отражали капитана Хони.

Как будто неважно, третий это уровень или четвертый, нет... неважно, вампир это или тайный клан, в его глазах все были просто растениями.

Хони нахмурилась, подумав: «Где он нашел такого зверя?»

Не боится ли он, что его поглотит?

Пока она размышляла, Габриэль уже закрыл дверь. Хони отвела взгляд и встретила с жалким лицом Листера.

– Наш отряд действительно распадется? – Листер заплакал. – Я не хочу нового капитана, может, мы будем сами выполнять задания, а вы иногда будете нас навещать...

Хони: ...

Если человек живет вечно, то люди вокруг него сменяются, как поколения. Старые друзья давно вымерли, те, с кем можно было поговорить, постепенно исчезают, и в конце концов остаются только эти молодые, с которыми невозможно найти общий язык из-за огромной разницы в возрасте.

Действие лекарства Ворона быстро исчезало, и он все еще не мог определить, был ли его вывихнутый лодыжка просто вывихом или переломом, потому что по сравнению с другими травмами это уже не имело значения.

Хони была настоящим «Семенем» третьего уровня, и ее физическая сила уже приближалась к силе вампиров. На вид она была пожилой женщиной, но если закатать рукава, она могла раздавить череп как бумажный орех. А он был другим – он был всего лишь конвертером с недостаточной емкостью, и при перегрузке напряжения мог сгореть.

Он не мог точно сказать, где болит, но даже дыхание было похоже на проглатывание ножа. Звон в ушах изолировал его от внешних звуков, создавая среду, в которой он мог слышать, как его внутренности разрываются.

- Это не новое рождение, – в полубреду раздался знакомый голос, но его тон был механическим, словно синтезированным. – Повторяю, это не новое рождение.

- Существует вероятность не менее 50%, что твое существование будет полностью уничтожено, а в случае успеха ты столкнешься с риском потерять все, включая, но не ограничиваясь, личностью, имуществом, социальными связями, памятью, здоровьем...

Личность и имущество – неважно, подумал Ворон, свернувшись в темноте. Судя по тому, что он знал о себе, его «имущество» – это, вероятно, несколько неоплаченных счетов, которые можно спокойно отпустить.

Социальные связи – это просто дым, который рано или поздно рассеивается, оставляя тебя одного, как и рождение, старение, болезни и смерть.

Память тоже не проблема, ведь душа человека – это просто набор воспоминаний. Раз его сознание все еще здесь, и он не был «уничтожен», значит, все это временно запечатано, и однажды он сможет вернуть это.

Проблема в «здоровье». Ворон с трудом сдерживал желание пошевелиться, чтобы отвлечься от боли, и старался дышать как можно тише. Он вспомнил сон об «Асгарде» и почувствовал грусть: в молодости он был сильным, мог таскать за собой кучу детей и бегать с носа до кормы корабля...

Галлюцинации в ушах почти исчезли: ...и все, что ты получил в Море Мертвых.

Почему-то сердце Ворона пропустило удар, словно он потерял что-то важное.

- Странно, – подумал он.

Разве то, что получаешь от мертвых, не является внешним? Большинство из того, что он получил, было хламом, так о чем тут переживать?

В этот момент легкий стук в дверь немного вернул его сознание. Сначала он инстинктивно хотел развернуться, но, наполовину поднявшись, понял, кто пришел, и решил не мучить себя, снова свернувшись в клубок.

Перед Габриэлем можно было опустить некоторые социальные маски – они не работали, да и не были нужны.

Ворон сейчас плохо видел, но смутно ощутил, как к нему приблизилось большое яркое белое

пятно, словно наблюдая за ним с близкого расстояния.

Затем раздался легкий шорох, и его руку слегка коснулись, вложив в нее бутылочку.

Похоже, это было лекарство от Ло, что-то противовоспалительное и кровоостанавливающее – то, что не вылечит, но и не убьет. Сейчас ему больше всего нужен был пластырь, но его лучше приберечь для крайнего случая, а пока он мог потерпеть.

У Ворона не было сил двигаться, он лишь поднял палец в сторону «белого света» и дважды постучал, что означало: «Спасибо, потом».

Габриэль не понял этого жеста и, понаблюдав за ним, открыл бутылочку и снова вложил ее в руку Ворона.

Ворон: ...

Если бы его челюсть не была так сильно сжата, он бы, наверное, рассмеялся: спасите... эта пропасть культурных различий.

Все равно не буду есть...

Габриэль взял одну таблетку, но заколебался.

Галлюцинации иногда сбивали Габриэля с толку: он путал лица и истории, не мог вспомнить, когда они пришли и ушли... «Запрещенные артефакты» вокруг действительно действовали на него как успокоительное, настолько, что он вспомнил много ненужных вещей.

Сад Богов – в том «инкубаторе» изначально было много «ангелов», похожих на него. Габриэль не был слишком общительным, но и не был одиночкой, у него было два-три постоянных товарища.

Потом они все «заболели»: у некоторых появились пятна на лице, у других ухудшилось зрение, а кто-то начал меняться, когда подрос. И они один за другим исчезали. В конце концов в огромном инкубаторе остались только он и еще один мальчик его возраста.

Габриэль не знал его имени – тогда у них их не было, – но помнил, что у того были светло-зеленые глаза.

Они не были близки, группы с янтарными и зелеными глазами даже дрались между собой, но когда вокруг остался только один подобный ему, у обоих возникло ощущение, что «если он исчезнет, мир рухнет».

Однажды «Зеленый» в панике прибежал к нему и сказал, что его зрение ухудшается, а на солнце начинают течь слезы.

Габриэль, как и все дети, считающие одеяло защитным барьером, решил, что если они будут притворяться, будто ничего не происходит, «болезнь» не заберет Зеленого.

Он случайно угадал.

Они вдвоем скрывали это, вероятно, благодаря врожденной склонности к тщательному планированию, которая позже могла бы сделать их серийными убийцами. Им удавалось хранить эту тайну целый год. Затем наступил финальный медосмотр, и тайна раскрылась.

В тот день «Бог» явился в виде проекции, с любовью дал ему таблетку и велел накормить ею Зеленого.

Зеленый покорно проглотил таблетку, и через мгновение его тело начало корчиться, мир тоже начал корчиться... В конце Зеленый стал похож на смятый лист бумаги, и его убрали металлические слуги Бога.

Сад Богов наконец погрузился в тишину, и он стал единственным «Ангелом Бедствия», получившим имя.

Прошло много лет, и хотя он рационально знал, что проблема была в той таблетке, каждый раз, закрывая глаза, он видел расширенные зрачки Зеленого.

Но сейчас Габриэль снова почувствовал непреодолимое желание сделать что-то, чтобы приблизиться к Ворону.

Он осторожно поднес таблетку ко рту Ворона, но обнаружил, что его челюсть крепко сжата.

Ладно, пусть не ест. Это, скорее всего, сделал тот синеглазый, и вряд ли оно поможет. Можно заняться чем-то другим, например, найти воду и вытереть всю эту кровь...

В этот момент Ворон, казалось, вздохнул, расслабил челюсть и взял таблетку.

Габриэль: ...

Его пальцы коснулись горячих губ, и он замер.

Ворон почувствовал, что таблетка горькая, и ангел-спаситель даже не принес ему воды... К счастью, это было лекарство, созданное «Семенем» с медицинским уклоном, оно растворялось во рту, и не нужно было глотать, как капсулы.

- Ну все? - Он с трудом открыл глаза и посмотрел на Габриэля, думая: «Пожалуйста, не мучай меня больше».

В следующее мгновение холодные пальцы сжали его подбородок, перед глазами Ворона все стало слишком ярким, а затем легкое дыхание коснулось его губ.

Спасите!

Эта пропасть культурных различий!

<http://bllate.org/book/14692/1312872>